

А. АВТОРХАНОВ

ЗАГАДКА СМЕРТИ

СТАЛИНА

Абдурахман Авторханов

Загадка смерти Сталина
(Заговор Берия)

«Русский шахматный дом»

2019

УДК 94(47+57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

Авторханов А. Г.

Загадка смерти Сталина (Заговор Берия) / А. Г. Авторханов —
«Русский шахматный дом», 2019

ISBN 978-5-94693-756-6

Автор — выдающийся писатель, историк, доктор политических наук. Эта книга — серьезная работа, но написана исключительно увлекательно, в почти детективной форме и читается на одном дыхании. Исследуя официальные и неофициальные советские документы, автор приходит к весьма неожиданному выводу относительно причин смерти Сталина. Из предисловия: «На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно». «Для меня Абдурахман Авторханов стал великим учителем, как надо писать книги», — Виктор Суворов, автор книг «Ледокол», «День „М“» и др.

УДК 94(47+57)(092)

ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-94693-756-6

© Авторханов А. Г., 2019

© Русский шахматный дом, 2019

Содержание

Предисловие	5
Глава I	8
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Абдурахман Авторханов

Загадка смерти Сталина (Заговор Берия)

Предисловие

На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев – для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому, или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно. Данное произведение и посвящено реконструкции исторического процесса последних пяти лет сталинского правления (1948–1953. гг.), приведшего к этому.

При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг. Придворные интригуют, чтобы оказаться поближе к тирану, а тиран – чтобы натравливать их друг на друга: ведь придворные, постоянно соперничающие между собой, не способны организовать заговор против своего владыки. В подобного рода интригах Сталин и его клика не имели себе равных.

Сталин окружил себя людьми, преданность которых обуславливалась не общественными идеалами, а лишь соображениями карьеры. Каждый из них боролся за Сталина, ибо Сталин – это власть, но чтобы они не объединились против него в борьбе за эту власть, Сталин разжигал среди них взаимную ненависть. Эта тактика имела и еще одно преимущество: когда Сталину было нужно «пустить в расход» кого-нибудь из своей клики, он делал это по доносам одних, при энтузиазме других и при молчаливом согласии остальных.

У большевистской правящей элиты было атрофировано самое элементарное чувство коллегиальной солидарности для спасения своих отдельных представителей – хотя бы ради своего собственного спасения. Этим воспользовался Сталин до войны, на пути к единоличной тирании. Этим Сталин продолжал пользоваться и после войны, пока самый способный из его учеников – Берия – не превзошел своего учителя.

Если каждый из членов последнего сталинского Политбюро умер или умрет своей смертью, то это – благодаря тому, кого они убили: Берия. Если не состоялась вторая, куда более грозная, чем в ежовщину, «Великая чистка», если сотни тысяч людей были спасены от чекистских пуль, а миллионы – от концлагерей, то этим, вероятнее всего, страна обязана тоже Берия. Это не было его целью, но это было его невольной заслугой.

Когда Сталин решил ликвидировать свою «старую гвардию» (молотовцев), апеллируя к «молодой гвардии» (маленковцам), Берия первый разгадал его стратегический план – уничтожить всех членов Политбюро по шаблону 20-х и 30-х годов: «старую гвардию» – при помощи «молодой гвардии», «молодую гвардию» – при помощи «выдвиженцев». Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили двадцатых годов, не политические евнухи тридцатых годов, а его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его собственному криминальному образу мышления и действия. Но на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только один Берия. К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия.

С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских «врачей-заговорщиков»: ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве «заговорщикам» было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того как лишить самого Сталина его собственной головы.

Вот так и был организован беспрецедентный по трудности, но и блестящий по технике исполнения заговор Берия против Сталина. Организатор заговора доказал, что он превзошел

Сталина в том, в чем последний считался корифеем: в искусстве организации политических убийств!

Естественно, в результате власть Сталина оказалась у Берия. Члены Политбюро, судьбой которых Берия теперь мог распоряжаться, решили отнять у него власть. Возглавленный Хрущевым, был создан второй, беспримерный по трусости заговор – против Берия, заговор, который по существу был убийством из-за угла. Впрочем, таким же был и организованный впоследствии заговор против самого Хрущева – с той лишь разницей, что его оставили в живых.

Все три заговора: против Сталина, против Берия и против Хрущева – свидетельствуют об одном: советский режим не может менять своих правителей легальными методами. Так было всегда. Так будет и дальше.

Не абстрактные спекуляции, не искусственные конструкции, а логика целой цепи косвенных доказательств, называемых в юриспруденции уликами, привели меня к окончательному выводу: Сталин умер в результате заговора. Заговор этот не был импровизацией. Он был лишь последним актом той продолжительной послевоенной трагедии, в которой актеры как бы поменялись ролями: предназначенные к гибели герои умертвили «бессмертного», чтобы самим остаться в живых. С такой же уверенностью я не могу этого утверждать о втором аспекте моей темы: как был умерщвлен Сталин? Коллапс как последствие шока от заседания Политбюро с последующим вредительским лечением или яд замедленного действия, полученный от Берия? Впрочем, собранные мною улики для того или другого случая я предоставляю на суд самого читателя.

Я не буду останавливаться на характеристике использованных мною советских и западных источников, но скажу несколько слов о книге «Хрущев вспоминает» (Khrushchev Remembers), изданной на английском языке. Подлинность этих мемуаров Хрущева подвергалась в печати сомнению. Я не разделяю такой оценки. Около 80–85 % фактов, приведенных в книге, мы знаем из многих других высказываний Хрущева в беседах с разными лицами или из его официальных речей, а остальной текст мемуаров никаких сенсационных разоблачений не содержит.

Немного надо сказать и о моих частных источниках информации из СССР. В этом отношении я оказался в несколько более выгодном положении, чем другие историки на Западе. Объясняется это тем, что КГБ широко разрекламировал мою книгу «Технология власти» (1959 г.): на многих политических процессах в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах она фигурировала – в издании Самиздата – как вещественное доказательство против подсудимых (за нее мастера фальсификации из ЦК сочинили мне биографию, в которой нет ни одного слова правды, кроме моего имени). Уже в той книге я написал, что загадочная смерть Сталина последовала, вероятно, в результате заговора «четверки» (Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина) и что подозрительно само это подчеркивание в официальном сообщении о месте смерти Сталина: «Сталин умер в Москве на своей квартире» (А. Авторханов. Технология власти. 1959, стр. 282, 285). Все мои дальнейшие поиски за истекшие 15 лет и были посвящены этой «загадке смерти Сталина». Но так как «Технологию власти» переиздал не только Самиздат, но и ЦК КПСС – для партийной элиты, в издательстве «Мысль», с грифом «запрещенная литература», – то у нее оказался относительно широкий круг читателей. Отсюда и приток ко мне по разным каналам дополнительных сведений о том, как происходили некоторые из описываемых мною послевоенных событий. К сожалению, я лишен возможности использовать их полностью. Для этого еще не наступило время. Исключение сделано только в тех случаях, когда аутентичность материала кажется бесспорной или поддается объективной проверке.

1975 г. А. Авторханов

Примечание. При цитировании высказываний Ленина автор пользовался двумя изданиями: 1) Ленин, ПСС и 2) Ленин, Сочинения, 3-е изд.

Если нет специальных оговорок, то напечатанные курсивом места в цитатах выделены автором. – Ред.

Глава I

«Верховный» дезертир

Когда большевистского завоевателя Грузии, соратника Ленина и врага Сталина – Буду Мдивани – вели в 1937 году на расстрел, то он крикнул на весь коридор Метехского замка: «Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!» Сталин делал в дальнейшем всё, чтобы грузинский Дантон не оказался пророком.

До войны с этой задачей он, не без учета урока Робеспьера, справился блестяще. Робеспьер посылал на эшафот лишь отдельные группы из Конвента, великодушно оберегая сам Конвент, но тогда Конвент послал его туда же. Сталин, как диктатор, поступил более разумно: разделившись со своими ультрареволюционными гебертистами (троцкистами) и правооппортунистическими дантонистами (бухаринцами) при помощи большевистского Конвента, Сталин послал, под конец, на эшафот и этот слепо преданный ему Конвент – ЦК 1934 года. Сталин, если речь шла о его личной безопасности, не искал врагов – он уничтожал потенциальных врагов: группами, классами и даже целыми народами, считая, что уничтожить их, когда они станут действительными врагами, будет трудно, а может быть, и невозможно.

Но после второй мировой войны Сталин вновь увидел сгущающиеся грозные тучи на партийном небе. Везде мерещились предатели и заговорщики в масках верных лакеев. И на одном из приемов в честь своего семидесятилетия – в декабре 1949 года, когда ему была представлена делегация его земляков, – Сталин вновь вспомнил слова Мдивани. Он вообще не любил баловать своих земляков вниманием, а это навязанное ему представление особенно расстроило его.

Повод был пустяковый. Сталин, ставший с годами не только мнительным, но и суеверным, увидел зловещее предзнаменование в том, что среди земляков, приехавших приветствовать его из Грузии, был и один – не то танцор, не то писатель – по фамилии Мдивани, родственник или однофамилец Буду Мдивани. «Этот бес Берия нарочно выискал его, чтобы испортить мне настроение призраком Буду», – решил Сталин.

Не потому ли он был в тот день особенно холоден с грузинами? Ведь все заметили, как невежливо Сталин отозвался на восторженную оду одного тбилисского поэта. Приветствуя Сталина в стихах на грузинском языке, поэт пожелал ему жить так долго, как живут многие кавказцы – 100 лет! Легенда утверждает, что Сталин сделал поэту выговор, повторив слова одного римского кардинала, сказанные в аналогичной ситуации: «Зачем такие ограничения?»

В реплике Сталина чувствовался явный упрек – его давно объявили богом, боги же бессмертны, а тут ему напоминают, что он когда-то умрет. Догадливый поэт исправил свою ошибку в следующем году, в день выборов в Советы, поместив под большим портретом Сталина в «Правде» новые стихи:

*На радость нам, на страх врагам
Живи, отец, всегда.*

Это тоже была одна из странностей стареющего Сталина, по приказу которого умерщвляли миллионы людей, но в присутствии которого вообще нельзя было говорить о смерти. Даже о своих врагах, расстрелянных им еще до войны, он любил говорить древнеримской формулой о казненном: «Он жил!» – Зиновьев жил, Бухарин жил, Троцкий жил, даже Ленин жил, но он, Сталин, живёт и будет жить долго, долго... Хотя Сталин ни в какого Бога не верил, но библейские сказания о долголетьи людей в ту древнейшую эпоху наводили его на фантастические размышления, граничащие с верою в чудо.

Нашумевший в свое время на весь мир академик Александр Богомолец однажды похвалился, что Сталин – самый компетентный читатель его книги «Продление жизни». Своей внутренней вере в собственное долголетие Сталин нашел у Богомольца научное обоснование. Это и было причиной того, что Сталин не только предоставил в распоряжение академика почти неограниченные средства для дальнейших исследований по продлению жизни человека, но и сделал его Героем Социалистического Труда и членом Верховного Совета СССР. Однако бедный академик, который обещал продлить жизнь Сталина за сотню лет, сам едва прожил 65 лет. Вероятно, Богомолец был единственным человеком, смерть которого повергла Сталина в глубокую меланхолию. То была тоска по потерянной вере в чудо-долголетие.

Чем мрачнее становился Сталин, тем ненавистнее ему делались люди – безразлично, ближние или дальние, друзья или враги. Впрочем, друзей у него никогда и не было, были только – люди полезные, бесполезные и вредные. Полезных он эксплуатировал, бесполезных гнал в шею, а вредных ликвидировал без малейшего проявления личной ненависти.

Конечно, Сталин думал о смерти, но удивительно – он всегда думал о насильственной смерти и один раз даже решил напугать этой смертью своих «друзей», каждый из которых был в его глазах кандидатом в убийцы. Со слов Хрущева, мы знаем о его грозном предупреждении по адресу потенциальных бротов из Политбюро: «Вы слепы, как новорожденные котят, что вы будете делать без меня?» – спрашивал их Сталин.

Партийная пропаганда с конца двадцатых годов постоянно утверждала: Сталин не только корифей всех наук, не только ясновидец в политике, он – и непревзойденный полководец всех времен и народов. Но под, тяжестью вести о нападении Гитлера на СССР Сталин, потерявший всякую волю к действию, оказался не только паникёром, но и дезертиром в прямом смысле этого слова.

Гитлеровское нападение было спровоцировано самим Сталиным. Организовав великую инквизицию против народов, уничтожив весь руководящий состав партии, государства и Красной армии, заключив антизападный пакт с Гитлером, Сталин прямо-таки пригласил его к нападению на СССР. В кругах партийного актива Сталин оправдывал пакт «политикой дальнего прицела»: дадим, мол, Гитлеру и Западу истощиться во взаимной драке, пока они оба не станут на колени, а вот тогда не Гитлер, а мы продиктуем «новый порядок» Европе. Но эти расчеты не оправдались и Гитлер широким фронтом двинулся на Россию.

22 июня 1941 года, вечером, Сталин ворвался в здание Министерства обороны СССР и начал разносить площадной бранью всю Красную армию как армию предателей и трусов. После этого краткого «налета» на Министерство обороны он в панике удрал в свою подмосковную крепость, которая почему-то называлась дачей. На экстренное совместное заседание Политбюро, Совета министров и Верховного Совета 22 июня 1941 года, созванное через несколько часов после начала войны, он явиться отказался.

Целой толпе «верных соратников и учеников Сталина» ничего не оставалось как вместе с Генеральным штабом отправиться на его дачу, в Кунцево. Тут же, на импровизированном заседании Политбюро и правительства, Сталину предложили выступить с обращением к народу, партии, армии об организации обороны против гитлеровских агрессоров. Сталин наотрез отказался (тогда это обращение поручили Молотову). Сталину предложили, как председателю правительства, возглавить Главное командование Красной армии. Сталин наотрез отказался (тогда это поручили маршалу Тимошенко).

Когда члены Политбюро начали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве за подписание пакта с Риббентропом, а Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской военной миссией, приехавшей в Москву еще до Риббентропа. На возражение, что всё это делалось ведь по прямому предложению самого Сталина, Сталин с несвойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих

тайников, точные входы и выходы из которых не знала даже его личная охрана. «Соратники» не осмелились его разыскивать, не дождавшись его возвращения, вернулись в Москву и приступили к принятию только самых неотложных мер.

Советские послы в столицах будущих союзных государств не получали никаких директив, а послов этих государств в Москве никто не принимал. Майский, советский посол в Лондоне, уже после свержения Хрущева писал в своих мемуарах:

«Наступил второй день войны – из Москвы не было ни звука, наступил третий, четвертый день войны – Москва продолжала молчать. Я с нетерпением ожидал каких-либо указаний от советского правительства и прежде всего о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского военного союза. Но ни Молотов, ни Сталин не подавали никаких признаков жизни. Тогда я не знал, что с момента нападения Германии Сталин заперся, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел. Именно в силу этого 22 июня по радио выступил Молотов, а не Сталин, и советские послы за границей в столь критический момент не получили никаких директив из центра» («Новый мир», № 2, 1965).

По законам военного времени Сталин заслуживал, как дезертир и предатель родины, расстрела.

Когда дела на фронтах приняли более благоприятный оборот, Сталин начал разыгрывать из себя героя, но Хрущев говорит:

«Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом. На первом этапе войны, когда дела шли для нас скверно, я не видел ни одного документа или приказа, подписанных Сталиным: «Верховное главнокомандование», «Генеральный штаб», – таковы были подписи под документами и приказами, но никогда не было там имени самого Сталина. Даже и после того, как мы отбросили немцев от Москвы и Сталин начал постепенно приходить в себя, не произошло изменения в этой практике подписывания. Это не было случайно...» (Khrushchev Remembers. Little, Brown & Co., 1971, pp. 180–181).

В докладе на XX съезде КПСС Хрущев от имени ЦК засвидетельствовал:

«Было бы неправильно забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Всё, что создал Ленин, мы потеряли навсегда».

После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте» (Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 35–36)¹.

Убедить Сталина, что гитлеровская тактика «блицкрига» хороша в странах без тыла, но не в такой гигантской стране, как СССР, было невозможно.

Удивительная метаморфоза произошла у советских маршалов и генералов в оценке поведения Сталина в начале войны. При Хрущеве они единодушно писали о дутым военном «гении» Сталина и его паническом поведении. Эти же маршалы и генералы, однако, возносят Сталина до небес при Брежневе. Но иногда и при новом генсеке сквозь густой дым фимиама, который курят Верховному, всё же сверкают искры правды. Вот сцена из «Блокады» А. Чаковского, большого приверженца Сталина:

¹ Что Сталин был в панике, свидетельствует и семейная хроника. Так, тётка Светланы Аллилуевой, Евгения Аллилуева, рассказала о своей встрече со Сталиным в августе 1941 г. (через два месяца после начала войны): «Я никогда не видела Иосифа таким подавленным и растерянным. Я приехала к нему, думая найти поддержку, надеясь, что он подбодрит меня... Каков же был мой ужас, когда я нашла его самого в состоянии близком к панике» (Светлана Аллилуева. Только один год. Harper & Row, 1969, стр. 324).

«Сдавленным голосом Молотов произнес: – Германское правительство объявило нам войну. Эти слова застали Сталина на его пути в дальний угол комнаты. Услышав их, он круто повернулся. И именно в этот момент все увидели, что в нем произошла какая-то неуловимая, но несомненная перемена. Казалось, что Сталин сбился с пути, заблудился, потерял зрение... Наконец, Сталин сказал (военным): – Дайте директивы, чтобы наши войска отбили атаки врага, прикажите пока не переходить границу... Все (члены Политбюро. – А. А.) с горечью и даже со страхом ощутили, что на этот раз его голос прозвучал как-то ненатурально. Сталин был подавлен, угнетен, и это поняли все» («Знамя», № 11, 1968, стр. 48).

По рассказу Чаковского, когда накануне нападения Гитлера нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал Жуков явились к Сталину с докладом и доложили ему, что по всем данным предстоит нападение Германии, Сталин обвинил их, что они поддаются провокационным донесениям и сеют панику. После этого он их не очень вежливо выставил из своего кабинета и запретил им перевод армии на «оперативную готовность № 1» (это означало перевод армии в состояние высшей боевой готовности). Но вот теперь, когда подтвердилось то, что предсказывали Тимошенко и Жуков, «...поздним вечером Сталин и несколько членов Политбюро неожиданно появились в здании Наркомата обороны... Обычно внешне спокойный, медлительный в разговорах и движении Сталин на этот раз не смог сдержаться. Он обрушился гневными, обидными упреками на руководителей Наркомата обороны и Генштаба. Потом поникший, ссутулившийся, вышел из здания и уехал в свой кунцевский дом... Никто его не видел. Он не появлялся в Кремле. Никто не слышал его голоса в телефонных трубках. Он никого не звал. И никто из тех, кто в эти дни ежечасно ожидал его вызова, не решался ехать к нему незванным. На членов Политбюро, наркомов, руководителей Наркомата обороны, Генштаба и Политуправления армии сразу же обрушились тысячи дел, больших и малых, связанных с осуществлением военных мероприятий в стране и на фронтах. Однако с утра и до глубокой ночи занятые этими делами, они не раз спрашивали себя: где же Сталин?» (там же, стр. 51).

Сталин бежал с поста, оставив страну и армию без руководства, на произвол Гитлера. Однако, если бы Чаковский был до конца верен исторической правде, он добавил бы: единственный человек, который осмелился поехать к Сталину и предложил ему вернуться из своего кошмарного состояния к реальной жизни, а значит и к руководству войной, был Берия. Если даже Берия это не удалось, то можно себе представить глубину ужаса, который овладел Сталиным. Хрущев сообщил, что ему рассказал Берия после визита к Сталину. На настойчивый призыв Берия взять руль войны в свои руки Сталин ответил: «Всё потеряно. Я сдаюсь» (Khrushchev Remembers, vol. II, P. 7).

Настолько Сталин потерял голову. Если Сталин не потерял ее и физически, то лишь потому, что во главе армии не оказалось людей, ставивших интересы страны выше своей карьеры. Молодые же командиры, как Жуков, Говоров, Ерёменко, Чуйков и даже те, которые были направлены в действующую армию прямо из концлагерей, как Горбатов, Мерецков, Рокоссовский, были настолько загипнотизированы мифом о величии Сталина, что в их головы не приходила мысль о наказании первого дезертира страны. К тому же, они мало знали о том, как функционирует преступная машина власти Сталина, и отгораживались от «высокой политики» традиционной формулой: «Мы – солдаты, а не политики».

Бои, битвы, сражения и войну выиграли они, а не Сталин, но обратите внимание: сразу же после победы все успехи своего стратегического и даже оперативного искусства они приписывают «Верховному» (легенда о «десяти сталинских ударах»). Однако сам начальник Генерального штаба времен войны маршал Василевский засвидетельствовал (уже при Брежневе), что более или менее квалифицированно руководить войной Сталин стал только с весны 1943 года, в ходе сражения под Курском. Стало быть, его руководство «Сталинградской битвой» – легенда кинорежиссеров. Вот это свидетельство: «Пожалуй, в полной мере владеть методами

и формами руководства вооруженной борьбой по-новому Сталин стал лишь в ходе сражения на Курской дуге» («Комсомольская правда», 17. 9. 1974, статья доцента В. Барабанова).

Народы СССР, несмотря на Сталина, войну выиграли, но какой ценой? К 70-летию Сталина Микоян писал: «Руководство т. Сталина обеспечило народам нашей страны завоевание великих побед *с наименьшими потерями*» («Правда», 21. 12. 1949). «Наименьшие потери» свелись к тому, что Россия потеряла в этой войне 20 миллионов человек только одними убитыми, а инвалидами вернулось еще столько же.

Сталин понимал, что, принеся такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. Сталин понимал, что война отучила людей бояться смерти. В течение четырех лет каждый советский солдат много раз встречался с нею лицом к лицу. Двадцать миллионов не вернулось с этой встречи, а те, кто уцелел, вернулись с физическими и духовными травмами. И вернувшиеся были грозны в своем молчаливом ожидании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны. «Эти люди взяли Берлин, они могут взять и Москву», – эта мысль не покидала его до последнего вздоха в Кунцеве.

Во время войны неимоверно выросло влияние на Сталина и на судьбу страны двух (из пяти) членов Государственного комитета обороны – Маленкова и Берия. Они стали фактическими руководителями Политбюро, хотя формально и не входили в его состав (ГКО был создан 30 июня 1941 года и поставлен над Политбюро, Советом министров и Президиумом Верховного Совета СССР. Первоначально в него входили: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов). Не только судьба войны, но и судьба самого Сталина оказалась в их руках.

Да это и понятно. Когда под влиянием катастрофы на всех фронтах против немцев паника Сталина переросла в безнадежное отчаяние и он прямо признался, что гибель СССР уже предрешена, эти два человека проявили не только присутствие духа, но и колоссальные организаторские способности. Они восстановили оборону при помощи политической полиции (Берия) и партаппарата (Маленков). По их предложению была создана Ставка Верховного главнокомандования.

Формально Верховным главнокомандующим был Сталин, фактически – его первые заместители: по армии – Жуков, по войскам НКВД – Берия. Политически Ставка находилась в руках Берия и Маленкова. Без их разрешения не только главнокомандующие фронтами, но и члены Политбюро, входившие в состав военных советов фронтов (Хрущев, Жданов, Булганин), не имели права непосредственно связываться со Сталиным.

Надо хорошо знать психологию Сталина, чтобы понять, почему после победоносного окончания войны свои первые удары он нанес как раз этим трем организаторам победы – Берия (освобожден от непосредственного руководства НКВД), Маленкову (отправлен в Туркестан), Жукову (отправлен командовать округом). Их присутствие около Сталина после того, что они видели и узнали о нем во время войны, было постоянным вызовом его нечистой совести.

Были, однако, соображения и более веские: судьба Сталина и в послевоенное время находилась бы в руках «триумvirата» (Берия – Маленков – Жуков) времен войны, если бы он их не отстранил от непосредственного оперативного руководства полицией, партией, армией. Разматывать весь сложный клубок последующих событий мы можем только при учете этого обстоятельства.

Глава II

«Внутренний кабинет» Сталина

Одной из основ тирании Сталина был его необыкновенный инстинкт самосохранения, выразившийся в безошибочном подборе личных сотрудников и личной охраны. Если Сталину рекомендовали со стороны кого-нибудь в сотрудники, то Сталин никогда этой рекомендации не следовал, даже если за ней стояли органы политической полиции или аппарата ЦК. Сталин самолично комплектовал свой штаб. Работник, подобранный по признакам, только одному Сталину ведомым, проходил свой испытательный стаж по заданиям Сталина и под его непосредственным наблюдением. Тот, кто выдерживал это испытание, навсегда входил в «живой инвентарь» «Внутреннего кабинета» Сталина. Опираясь на этот «кабинет», Сталин и захватил «необъятную власть», о которой Ленин пишет в своем «Завещании».

«Внутренний кабинет», названный во внутрипартийных документах «Секретариатом т. Сталина», поначалу возглавлял старый революционер Иван Петрович Товстуха. До революции 1905 года он вращался в разных, между собою соперничавших социал-демократических группах, преимущественно меньшевистских, а после поражения революции, отбыв ссылку в Сибири, сделал резкий поворот влево. Эмигрировав во Францию, Товстуха записался в 1913 г. в парижскую «группу ленинцев» РСДРП. Человеку проворному, смелому и не признававшему «рыцарских предрассудков» в политической борьбе, линия Ленина на Пражской конференции (1912 г.) – окончательный разрыв с меньшевиками – пришлась по душе. Товстуха связал свою революционную карьеру с делом Ленина, сотрудничал в различных ленинских изданиях, проявляя весьма похвальные, с точки зрения Ленина, «сыскные» способности не только в политике, но и в литературе. Товстуха принял деятельное участие в Октябрьском перевороте в Москве, сделался видным советским работником, а в 1919 году Сталин забрал его в Наркомнац – начальником своей канцелярии, членом Коллегии Наркомата.

На X съезде партии (март 1921 г.) Ленин ввел «осадное положение» (запрещение групп или фракций, запрещение критики аппарата ЦК и линии Политбюро) и весь старый секретариат ЦК (Крестинский, Преображенский, Серебряков), поддерживавший во время профсоюзной дискуссии Троцкого и Бухарина против Ленина, Зиновьева, Сталина, был сменен. Секретариат возглавил сталинский выдвиженец Молотов, а его помощником Сталин рекомендовал своего секретаря Товстуху. Так Молотов и Товстуха оказались во главе аппарата ЦК за год до «генсекства» Сталина, вроде как бы сталинской «дозорной команды».

О Товстухе шла слава, что он произведения Ленина знает лучше, чем сам Ленин. Поэтому его назначили помощником Л. Б. Каменева по подготовке издания Собрания сочинений Ленина (согласно решению IX съезда в 1920 г.). Не только все опубликованные произведения, но и весь личный архив Ленина оказался в руках Товстухи, как бы по праву «партийной национализации». Но что было в руках Товстухи, оказалось и в руках Сталина, когда через год он стал генсеком.

Пользуясь своим положением, Сталин спровоцировал Товстуху на партийно-государственное преступление, которое бы привело к суду над ними обоими, если бы Ленин был здоров. Дело касается истории получения Лениным немецких денег во время первой мировой войны. Когда Временное правительство обвинило Ленина в получении этих денег через Я.С.Ганецкого за шпионаж в пользу Германии, то Ленин уклонился от суда, заявляя, что он ничего общего не имел и не имеет с Я.С.Ганецким, который назван в сообщении прокуратуры связным между ним и немецким главным агентом в Стокгольме – доктором Парвусом. В своем ответе прокурору от 22–26 июля 1917 г. Ленин писал: «Прокурор играет на том, что Парвус был связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием,

ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким *никаких*» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 31). Вся партия тоже стояла на точке зрения Ленина, что Временное правительство просто в политических целях клеветает на Ленина. Правда, узкая верхушка партии знала то, что теперь знает весь мир из-за публикации архива немецкого министерства иностранных дел издательством «Oxford University Press» (Germany and the Revolution in Russia 1915–1918, ed. Z.A.Zeman), а именно: Ленин действительно получал многомиллионные суммы денег на организацию революции в России, чтобы тем самым выключить ее из войны. Этот вопрос разбирался на VI съезде партии (август 1917 г.): явиться ли Ленину и Зиновьеву на суд, чтобы опровергнуть «клевету»?

Сталин был за явку Ленина. Сталин внес резолюцию, в которой говорилось, что Ленин и Зиновьев «явятся, если суд будет демократический, честный» (Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. 1958, стр. 27–28). Но Бухарин, знающий, почему Ленин уклоняется от суда, категорически отвел резолюцию Сталина на съезде: «Что значит честный буржуазный суд? На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь (конечно, Ленина. – А. А.) с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус не шпион» (там же, стр.34). Таким образом, партия считала, что Ленин был прав, отрицая всякую связь с Ганецким, хотя верхушка партии (Зиновьев, Радек, Ганецкий, Бухарин – за границей, Сталин и Каменев – в России, как редакторы «Правды», издаваемой на эти деньги) точно знала об этой связи.

Но вот с конца 1922 г. Сталин начал получать от больного Ленина плохие вести: статью об «автономизации» национальных республик, в которой он Сталина называет «великорусским держимордой», «Завещание» Ленина, в котором констатируется, что, став генсеком, Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и что он способен ею злоупотреблять, и приписка 4 января 1923 года, как предложение предстоящему XII съезду снять Сталина с поста «генсека», наконец, личное письмо к Сталину (март 1923 г.) о разрыве с ним личных отношений (все эти документы после XX съезда напечатаны в ПСС Ленина, т.45). Теперь Сталин точно знал, что первый день выздоровления Ленина будет последним днем его пребывания на посту генсека. Однако Сталин совсем не думает капитулировать перед Лениным. Сталин решил обороняться, наступая. Здесь как раз и пригодился Товстуха. Товстуха разыскал в личном архиве Ленина документы, которые дискредитировали лидера большевиков как немецкого агента. Таких, оказалось, вероятно, много, но Сталин решил использовать именно те документы, которые разоблачают ложь Ленина, что он не только никаких денег не получал от Ганецкого, но даже и никаких связей с ним не имел. По заданию Сталина Товстуха опубликовал следующие два письма: 1) 12 апреля 1917 г. Ленин пишет из Петрограда в Стокгольм Ганецкому и Радеку: «Дорогие друзья! До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили. ... Будьте архи-аккуратны и осторожны в отношениях»; 2) 21 апреля 1917 г. Ленин пишет Ганецкому: «Деньги от Козловского получены (Козловский – петроградский адвокат-большевик, связной между фирмами-разведками Стокгольм-Петроград. – А. А.)... В общем выходит около 15 большевистских газет» (это отчет деньгодателю. – А. А.). Эти два письма были опубликованы, конечно, без ведома Ленина, в журнале «Пролетарская революция» (№ 9, сентябрь 1923 г.), который редактировал сам Товстуха. Мораль публикации: вечный эмигрант, немецкий агент и лжец Ленин, который получал немецкие деньги без ведома партии и ее ЦК в России, хочет ликвидировать постоянного организатора и руководителя подпольного большевистского ЦК в России, Коба-Сталина. Разумеется, публикация вызвала бурю негодования Ленина и близких к Ленину против... Товстухи. Сталину, чтобы не раскрылась пружина всей этой антиленинской интриги, пришлось пожертвовать Товстухой. Он был уволен из ЦК и тогда его место занял А. Н.Поскребышев.

В лице Поскребышева, бывшего помощником Товстухи, Сталин нашел более чем достойного преемника. Александр Николаевич Поскребышев почти на протяжении тридцати лет был вторым «я» Сталина. О масштабе власти этого «канцеляриста» можно судить хотя бы по тому,

что со временем доступ к первому «я» – Сталину – лежал через второе «я» – через Поскребышева. Речь идет не о входе в служебный кабинет Сталина (хотя это тоже контролировалось Поскребышевым), а о входе в мозговую лабораторию Сталина. Члены ЦК и даже члены Политбюро, когда они хотели узнать, как думает или будет думать Сталин, узнавали, что же думает Поскребышев. Недаром сам Сталин называл его «Главным». Это не значит, что Поскребышев подсказывал Сталину, как действовать в той или иной ситуации, но он почти всегда безошибочно угадывал эти действия и влиял на них.

Поскребышев пришел в ЦК в то самое время, когда Сталин, став генсеком, приступил к чистке старого, троцкистского, и к созданию нового, сталинского, аппарата ЦК. Он был на 12 лет моложе Сталина, но уже имел значительные «заслуги»: Поскребышев, как председатель Баранчинского совдепа и член Екатеринбургского губернского совдепа, подписал приговор от 16 июля 1918 г. о расстреле Николая II, его супруги и их малолетних детей. Пройдя первое революционное крещение – убийство царской семьи, – Поскребышев посвятил себя палаческой профессии: поначалу, как один из руководителей Политотдела Особой Туркестанской армии, он занимался уничтожением «буржуазных националистов» Туркестана, а потом, как председатель уездного ревкома в г. Златоусте и губревкома в Уфе, – физическим уничтожением сибирских крестьян, поддерживавших адмирала Колчака.

Скоро выяснилось, что Поскребышев не просто каратель, а каратель с большими задатками партийного организатора. Поэтому Поскребышев был назначен заведующим Орготделом Уфимского губкома партии. Вот оттуда Сталин его и забрал к себе, в канцелярию ЦК. Молодой светлокудрый сибирский башибузук на глазах своего «Хозяина» превратился к концу карьеры в лысого, обрюзгшего, желчного, всевластного старика.

На XX съезде Хрущев сообщил, что Сталин около себя терпел только одного человека – «своего верного оруженосца Поскребышева». В книге «Хрущев вспоминает» (Khrushchev Remembers) Хрущев уточняет эту характеристику: Поскребышев «был преданнейшим псом Сталина. Он не был глуп, он сосредоточил в своих руках столько власти, что начал важничать. Он начал вести себя надменно с каждым, демонстрируя откровенное презрение к любому члену Президиума (Политбюро), кто более не пользовался расположением Сталина. Например, он злобно рычал на Молотова и Микояна, когда те впали в немилость Сталина. Поскребышев бывал невыносимо агрессивным. Он находился ближе к Сталину и поэтому раньше всех нас узнавал, на кого пала тень сталинского подозрения или недовольствия. Поэтому тот, против которого восстал Поскребышев, считался предназначенным быть очередной жертвой» (стр.292).

Понять, как человек, который не состоял ни членом Политбюро, ни членом Секретариата ЦК, мог играть такую роль, можно только при анализе механизма личной власти Сталина.

Биограф Сталина, который не поставит в центр своего анализа «Внутренний кабинет» Сталина, состоявший из «Секретариата т. Сталина» и «Особого сектора», мало что поймет в биографии Сталина, в его восхождении к личной диктатуре, в секрете его феноменальных успехов. «Внутренний кабинет» – выдающееся изобретение Сталина, сделанное еще при жизни Ленина, когда признанным диктатором считалось не отдельное лицо, а коллектив – Политбюро. Уникальность этого изобретения заключалась в том, что личная диктатура была замаскирована отсутствием всякого внешнего ее проявления. Члены не только ЦК, но и Политбюро не видели никакого «кабинета» у Сталина, а лишь техническую канцелярию, состоящую из самых обыкновенных технических чиновников. Однако Ленин углядел нечто большее в «канцелярии» Сталина: «Т. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках *необъятную власть*» (Ленин, ПСС, т.45, стр. 345–346). Размышляя над тем, как Сталин может использовать эту «необъятную» власть, Ленин в упомянутом «Завещании» 4 января 1923 года предлагает снять Сталина с поста «генсека». Тогда и выяснилось, что Сталин – великий мастер маскировки: члены Политбюро настолько уверовали в «серость» Сталина (Троцкий: «Сталин

– выдающаяся посредственность»), что посчитали требование Ленина больной фантазией его мозга.

Идею «Личного кабинета» Сталин, вероятно, позаимствовал из николаевской эпохи. Николай I, после восстания декабристов разочаровавшись в главной опоре – в дворянстве, – решил опираться на бюрократию. Первым шагом было создание «Личной канцелярии Его Императорского Величества» с четырьмя отделениями.

Важнейшими были личное «Первое отделение» и «Третье отделение». В «Третьем отделении» было сосредоточено руководство политической полицией и жандармским корпусом. Сталин, разочаровавшись в главной опоре большевизма, в старой большевистской элите, решил уничтожить ее не только политически, но и физически и создать новую опору власти из новой партийной бюрократии, которую стали потом называть партаппаратчиками. Знаменитую формулу Ленина – «дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию» – Сталин применил к советской России: «Кадры решают всё!»

Подбор этих новых кадров был поручен двум другим членам «Внутреннего кабинета»: Ежову и Маленкову.

Для понимания роли «Внутреннего кабинета» нужно знать, что представляли собой его две составные части: «Секретариат т. Сталина» и «Особый сектор ЦК».

Ни одно решение Секретариата, Оргбюро, Политбюро и пленума ЦК, ни одно решение Совета министров, ни один указ Верховного Совета СССР не принимались без того, чтобы они не были обсуждены и предreshены в «Секретариате т. Сталина». Поэтому он и был частью «Внутреннего кабинета» Сталина с соответствующим штатом высококвалифицированных чиновников-экспертов как по внутренней, так и по внешней политике. Таково было «Первое отделение» личной канцелярии Сталина.

Однако сталинское «Третье отделение» – «Особый сектор ЦК», подчиненный тому же Поскребышеву, был, пожалуй, беспрецедентным учреждением во всей мировой истории диктатур и деспотий (достаточно упомянуть, что в «Особом секторе» выдвинулись все три будущих министра госбезопасности – Абакумов, Меркулов и Серов, а также МВД – Круглов). «Особый сектор» – кодовое слово для обозначения системы служб личной политической полиции Сталина.

Впервые «Особый сектор» в партийных документах упоминается в 1934 г. без расшифровки его функций, но с косвенными указаниями, что это просто прежний «Секретный подотдел» ЦК, переименованный теперь в «Особый сектор». Но прежний «Секретный подотдел» представлял собою вполне нормальную службу по личному учёту кадров партии и по хранению секретных документов партии и правительства. Поскольку эти функции действительно перешли к новому сектору, а в системе партаппарата бывшие «секретные подотделы» тоже были переименованы в «спецсекторы» обкомов, крайкомов и республиканских ЦК, то продолжали считать, что произошло простое переименование.

На майском пленуме ЦК 1935 г. нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода и секретарь президиума ЦИК СССР Авель Енукидзе рассказали пленуму ЦК о таких фактах, значение которых едва ли они сами тогда понимали.

Произошло это так. В связи с убийством Кирова началась негласная чистка высших учреждений партии и правительства. Речь еще не шла об арестах, а только об увольнении из правительственных учреждений «социально чуждого элемента». Специальная комиссия ЦК подвергла проверке штат Кремля. В Кремле жили или работали разные люди – руководители партии и правительства со своими семьями, «курсанты» так называемой «школы ВЦИК» (на самом деле – охранный батальон, получивший наименование «сталинского батальона»), высшие учреждения партии и правительства, а также многочисленный обслуживающий технический персонал как учреждений, так и музеев Кремля. На майском пленуме ЦК комиссия доложила, что большинство технических служащих Кремля оказались «классово-чуждым эле-

ментом», многие обслуживали дворцы и достопримечательности Кремля еще при Николае II. Комиссия увидела в этом беспечность НКВД при проверке людей и формализм Секретариата ЦИК СССР, который ведал назначением и снятием этого персонала.

Енукидзе отвел обвинение, сославшись на то, что люди, обслуживающие дома Кремля, были оставлены еще по указанию Ленина как «буржуазные специалисты» (ибо только они знали, как организовать уход за памятниками Кремля). Новых же людей на работу в Кремль назначал «Особый сектор» ЦК, а они, Ягода и Енукидзе, только оформляли их.

Это заявление явилось для пленума совершенной новостью: служащие Кремля проверяются не НКВД СССР, а внутренним НКВД Кремля и его комендатурой, которые подчинены не Ягоде, а «Особому сектору»! Так впервые пленум ЦК узнал, что Сталин создал свою политическую полицию, не подчиненную общегосударственной полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.